

Палатовская Е.В.**Русское сложное предложение в контексте смены научных парадигм**

Палатовская Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, докторант Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Аннотация. Статья представляет собой обзор, в котором на материале русского языка рассматривается эволюция научных представлений о природе и сущности сложного предложения. Анализ научных школ и направлений в теории сложного предложения охватывает период с середины XX века и по настоящее время. В статье представлены теоретические основы таких подходов к изучению сложного предложения, как структурно-семантический, функциональный и когнитивно-дискурсивный.

Ключевые слова: научная парадигма, сложное предложение, структурно-семантическая классификация, функциональный синтаксис, когнитивно-дискурсивный анализ

Теория русского сложного предложения (СП) прошла достаточно долгий путь развития: от логико-грамматических трактовок, начало которым было положено еще в первой половине XIX века (А.Х. Востоков, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев) до осознания современными лингвистами этой синтаксической единицы как последовательности тесно связанных между собой по смыслу предикаций (клауз) в линейно развертываемом потоке речи. В последние годы в области изучения СП произошли значительные изменения в связи с утверждением в лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы, определяющей направление новых научных исследований.

Цель данной статьи – представить обзор основных направлений в современной теории синтаксиса русского СП за последние 50 лет её развития в контексте смены научных парадигм.

К 70-м годам XX века в описании русского СП прочно утвердился структурно-семантический подход, восходящий к трудам В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова, Н.С. Поспелова, согласно которому синтаксическое значение и типология СП определяются на собственно языковых, а не логических основаниях. Важнейшим достижением этого подхода является положение о поэтапном анализе СП, который предполагает последовательное введение структурных и семантических критериев классификации. Данная концепция позволила ученым выявить и описать все разнообразие СП как целостных грамматических структур с учетом особенностей их формальной и смысловой организации (С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов, С.Г. Ильенко и др.). Наиболее полной и завершенной является структурно-семантическая классификация, представленная в трудах В.А. Белошапковой, а также в написанном ею разделе “Синтаксис сложного предложения” в академической “Грамматике современного русского литературного языка” [1, 8].

Предложенная В.А. Белошапковой классификация до сих пор считается одной из самых авторитетных в современной русистике и является базовой в дальнейшем изучении формальной организации русского СП. Так, например, И.Н. Кручинина и М.В. Ляпон дополнили типологию союзных СП детальным описанием средств связи и отношений между их компонентами в [13]. В рамках структурно-семантического подхода началось изучение СП усложненного типа (многокомпонентного сложного предложения) в работах Г.Ф. Гавриловой, Г.Ф. Калашниковой и др.

Несмотря на некоторые существующие различия, все структурно-семантические классификации СП строятся на следующих основаниях:

1) СП полипредикативны, то есть состоят из отдельных частей – предикативных единиц, связанных между собой содержательно и формально;

2) СП делятся на союзные и бессоюзные по наличию или отсутствию в них союзного средства связи между предикативными единицами;

3) союзные СП членятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Однако не всё в структурно-семантической классификации является бесспорным. Так, например, среди ученых нет единства в определении статуса СП, в которых отсутствуют союзные средства связи. Некоторые исследователи, например, И.Н. Кручинина, исключают их из состава СП, называя такие образования бессоюзным соединением предложений и рассматривая их как единицу текстового уровня [13]. В других работах отмечается, что полипредикативные бессоюзные образования – это все же СП, имеющие свои специфические показатели синтаксической связи – прежде всего интонацию и порядок слов (Н.С. Поспелов, В.А. Белошапкова и др.).

Одной из самых спорных проблем теории СП продолжает оставаться также оппозиция сочинения и подчинения. В некоторых случаях разграничение между сложносочиненными и сложноподчиненными конструкциями затруднительно, так как на уровне СП отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной связью. Например: *Хотя концерт уже закончился, но зрители не расходились.*

Трудно переоценить вклад структурно-семантического подхода в разработку теории формальной организации СП. В новом тысячелетии его по праву можно отнести к традиционному описательному синтаксису, который, однако, не утратил своей теоретической и методической ценности и сегодня.

Начало 70-х годов прошлого века ознаменовалась в русистике бурным развитием семантического синтаксиса, что существенно изменило подходы к изучению СП.

Ученые начинают использовать новые методы изучения СП, опираясь на идеи и положения порождающей (трансформационной, генеративной) грамматики. Американский лингвист Н. Хомский, стоявший у истоков генеративистики, отдал синтаксису центральное место в лингвистике, а предложение считал ключевой единицей языка. Ученый выдвигает концепцию

глубинных и поверхностных структур, где глубинная структура выражает семантический смысл предложения, а поверхностная определяет его грамматическую форму выражения. Соотносятся же они друг с другом посредством грамматических трансформаций [15].

И.Н. Кручинина отмечает: “В трансформационных и порождающих грамматиках, где простое и сложное предложения рассматриваются часто как “корреляты одной и той же структуры содержания”, предпочтение нередко отдается признаку семантической сложности, что влечет за собой пересмотр понятия “сложное предложение” в направлении как расширения, так и некоторого ограничения его объема” [10, с. 471]. В основе трансформационного подхода лежит идея о том, что смысл синтаксической структуры любой содержательной сложности описывается путем ее трансформационного порождения из более примитивных синтаксических конструкций (семантических примитивов), смысл которых очевиден.

На материале русского языка пионерами семантического синтаксиса были такие ученые, как М. Кубик, И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, Е.С. Кубрякова и др. Несомненным достижением этого подхода применительно к СП является признание неразрывной связи предложения и его лексического наполнения, разработка синтагматической организации СП, выяснение его “глубинной семантики”, а также выявление и описание трансформационных изменений, которым подвергаются простые предложения в процессе их объединения в полипредикативные конструкции.

Трансформационный метод нашел свое практическое применение в методике преподавания русского языка как иностранного, где он продолжает успешно использоваться и в настоящее время. Так, например, при изучении синонимичных синтаксических конструкций учащимся предлагаются алгоритмы взаимотрансформаций: простое предложение с причастным оборотом = сложное предложение с придаточным присубстантивным (пример 1); простое предложение с однородными сказуемыми = простое предложение с деепричастным оборотом = сложное предложение с придаточным времени (пример 2):

1) *Я знаю студентку, приехавшую из Китая* = *Я знаю студентку, которая приехала из Китая.*

2) *Мой друг прочитал письмо из дома и сразу сел писать ответ родителям* = *Прочитав письмо из дома, мой друг сразу сел писать ответ родителям* = *Когда мой друг прочитал письмо из дома, он сразу сел писать ответ родителям.*

Подобные трансформации пригодны не только для анализа предложения, но и для его восприятия и порождения на изучаемом языке.

Трансформационный, а потом и более общий генеративный подход к синтаксису постепенно закладывают фундамент нового подхода к предложению как языковой единице: в предложении начинают различать две стороны – структурно-семантическую модель (как единицу языка) и высказывание (как единицу речи), выполняющую определенные коммуникативные установки говорящего. Внимание исследователей, работающих в русле этого направления, переключается на высказывание, то есть на функциониру-

вание предложения в речевом потоке. Таким образом начинает формироваться функциональный подход к изучению СП.

С конца 70-х годов XX века в русистике начинает свое развитие функциональная лингвистика вообще и функциональная грамматика в частности. А.А. Кибрик отмечает: “В науке о языке функционализмом называется теоретический подход, который утверждает, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны без обращения к понятию функции. Многие современные направления функционализма ставят перед собой более конкретную задачу – объяснение языковой формы ее функциями” [9]. Таким образом, начинается формирование новой научной парадигмы в лингвистике – антропоцентризма, задача которого состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос не “как устроен язык”, а “как функционирует язык”.

В настоящее время существует множество различных школ и направлений, осуществляющих функциональный подход к единицам синтаксиса. Так, в *теории референции* рассматривается соотносительность предложения с действительностью, т.е. истинность и ложность высказываний (Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова и др.); в *лингвистической прагматике* исследуется моделирование речевой деятельности говорящего/пишущего – его оценки, установки, пресуппозиции, а также речевая деятельность – восприятие и интерпретация – слушающего/читающего (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Бульгина, Е.В. Падучева, И.П. Сусов и др.); в *теории речевых актов* – понятие коммуникативной структуры предложения (Е.В. Падучева, Т.Е. Янко и др.); в *лингвистике текста* предложение понимается как одна из составляющих текста или же его потенциальный минимум (И.И. Сусов, И.Р. Гальперин и др.); в *функциональной стилистике* анализируются закономерности функционирования различных типов СП в высказывании и тексте, в том числе художественном, изучается экспрессивный потенциал этих конструкций (О.В. Александрова, И.И. Ковтунова и др.).

Рассмотрим наиболее существенные достижения функциональной грамматики в области синтаксиса более подробно. Любая грамматика, появившаяся и на более ранних этапах развития лингвистики, включает функциональные аспекты при изучении языковых единиц. В русской лингвистической традиции еще Л.В. Щерба обосновал различие между пассивной (описательной) и активной (в современной терминологии – динамической, функциональной) грамматикой [16]. Отличие современной функциональной грамматики от предшествующих состоит в том, что она ориентирована на последовательный функциональный подход к анализу языковых единиц, при этом она использует и традиционное направление анализа от формы к функции, и обратный принцип от функции к форме, отдавая предпочтение функции по отношению к форме.

Петербургская функциональная школа под руководством А.В. Бондарко разработала теорию функционально-семантического поля. Исследователями были описаны такие функционально-семантические поля, как аспектуальность, временная локализованность, темпоральность, таксис (временные отношения между

действиями), модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива, определенность/неопределенность, обусловленность и др. При этом были подробно рассмотрены все значения, относящиеся к тому или иному полю, средства их формального выражения и соотношение с планом содержания высказывания и целого текста. А.В. Бондарко приходит к выводу, что источниками речевого смысла текста являются: “1) языковое содержание текста, 2) контекстуальная информация, 3) ситуативная информация, 4) энциклопедическая информация, 5) все прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания (включая не только референциальные, но и эмоционально-экспрессивные аспекты)” [2, с. 4].

Концепция функционального синтаксиса, которая со временем превратилась в концепцию функциональной грамматики разрабатывалась и продолжает разрабатываться Г.А. Золотовой и ее школой. В отличие от устоявшегося понимания предложения как многоуровневого образования, в котором его формальная, смысловая и коммуникативная составляющие относительно автономны, сторонники этого направления видят в предложении единый объект, требующий интегрального подхода к изучению. Г.А. Золотова выдвигает идею синтаксического поля предложения, ядром которого является типовое значение (например, *субъект и его качество*), объединяющее вокруг себя все его структурно-семантические (моно- и полипредикативные), включая синонимические и неполные контекстуальные, варианты. Таким образом, синтаксическое поле представляет весь репертуар структурно-семантических модификаций базовых моделей предложения и разную степень семантической осложненности типового значения предложения. СП рассматриваются на основе типологии простых и представляют, по мнению исследователя, периферию синтаксического поля.

В “Коммуникативной грамматике русского языка”, написанной Г.А. Золотовой в соавторстве с Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой, подводятся итоги многолетних исследований концепции коммуникативной грамматики, в которых главной фигурой становится *homo loquens* (человек говорящий). В этой книге осуществлен “выход за пределы предложения” в текст и закреплено понятие коммуникативного регистра как средства коммуникативно-текстовой интерпретации частей синтаксического поля предложения. Таким образом, в работах Г.А. Золотовой и ее школы произошел своеобразный синтез конструктивного синтаксиса и синтаксиса речи (текста) [7].

Функционально-коммуникативный подход к синтаксису разрабатывается рядом исследователей под руководством М.В. Всеволодовой. Это научное направление является родственным школам Г.А. Золотовой и А.В. Бондарко, теория функционально-семантического поля которого стала теоретической базой данного подхода. Основы функционально-коммуникативного синтаксиса представлены в учебнике “Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка”. Кроме теоретического, данная работа представ-

ляет интерес своим практическим выходом в область преподавания русского языка как иностранного [4].

Как видно из представленного обзора, данные направления не противостоят, а взаимно дополняют друг друга, и объединяет их закономерно осуществляемый выход за рамки традиционной языковой единицы – предложения – в дискурсивное пространство. Поэтому со временем дискурсивный подход к языковым единицам, объединившись с новейшими когнитивными исследованиями, становится одним из ведущих в современной лингвистике.

В новое тысячелетие лингвистика вошла, опираясь на достижения *когнитивных наук* (*когнитивную психологию* и *нейрофизиологию*, направленных на изучение познавательных возможностей человека – памяти, внимания, восприятия, сознания и т.д.); *генеративной грамматики*, изучавшей языковую компетенцию человека; *компьютерной лингвистики*, задачи которой состоят в создании компьютерных программ по порождению и распознаванию речи, и *функциональной лингвистики* (прежде всего – *лингвистической семантики*). Выросшая из лингвистического функционализма, когнитивная лингвистика представляет собой интегрированный комплекс, объектом изучения которого, по мнению Е.А. Селивановой, является язык “как экспонент когнитивных структур и процессов сознания, а предметом – соотношение когнитивных механизмов сознания с естественным языком и его речевой реализацией” [14, с. 365].

Центральным понятием когнитивной лингвистики становится *категоризация* человеческого опыта, находящая отражение в языковых формах [12, с. 8]. Проблемы языковой категоризации, описанные через такие понятия, как *концепт*, *фрейм*, *языковая картина мира*, связаны прежде всего с данными лексикологии. Однако актуализация этих единиц происходит только в дискурсе, поэтому адекватно описать и оценить их можно путем введения в определенные синтаксические модели, которые обладают неким обобщенным смыслом и грамматически закреплены в том или ином языке. В современной лингвистике такие синтаксические модели принято называть *предикатно-актантными структурами*, они были описаны в русистике представителями семантического синтаксиса (Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко и др.). Каждой предикатно-актантной структуре соответствует свой тип пропозиционального содержания – типовая ситуация, которую в терминах когнитивистики называют *синтаксическим концептом*. Репрезентация синтаксических концептов простыми предложениями на материале русского языка были описаны З.Д. Поповой и Г.А. Волохиной [3]. Изучение СП с этих позиций находится сейчас в состоянии активной разработки [6].

Другое направление в изучении СП с позиций когнитивно-дискурсивного анализа базируется на теории риторической структуры (ТСР), разработанной еще в 80-е гг. американскими учеными У. Манном и С. Томсон. За 25 лет своего существования ТСР получила признание в разных странах мира как гибкий, открытый инструмент, который может быть адаптирован для различных целей исследования естественного дискурса. Первым шагом анализа структуры

естественного дискурса в ТРС является выделение элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). Деление на ЭДЕ обычно совпадает с делением на клаузы. ЭДЕ связаны между собой риторическими отношениями (РО), которые обеспечивают связность и целостность текста в соответствии с целью его создателя (автора), то есть имеют вполне оправданное функциональное значение. Именно в этом смысле в ТРС употребляется термин «риторический».

ТРС впервые была описана и адаптирована к особенностям русского языка такими учеными, как А.А. Кибрик, В.И. Подлеская, А.О. Литвиненко и др. В работах этих исследователей ТРС модифицирована с учетом особенностей русского языка, разработана методика работы с устной спонтанной речью, дополнен и структурирован инвентарь РО, детально описаны причинно-следственные, временные и противительные РО в разных типах дискурса, подведены итоги психолингвистических исследований анализа дискурса детей с неврологическими отклонениями, которые проводились с использованием методики ТРС. В ходе исследований устного нарративного дискурса исследователи приходят к парадоксальному выводу, что понятие предложения, которое традиционно считается основным в лингвистике, в устной речи сохраняет свою валидность, однако “это трудноуловимая, промежуточная языковая единица, находящаяся между локальной структурой дискурса (отдельные ЭДЕ) и глобальной структурой (эпизоды, абзацы)”, и поэтому является “реальной, но не базовой единицей в основной форме использования языка – в устной речи” [8]. Думается, что подобное утверждение нуждается в дальнейшем изучении и обосновании.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. Некоторые вопросы теории. – М., 1967. *Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkomazyke. Nekotorye voprosy teorii [Complex sentence in modern Russian. Some theoretical questions] – M., 1967.*
2. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4 – 13. *Bondarko A.V. Lingvistika teksta v sisteme funktsional'noy grammatiki [Linguistics of the text in the system of functional grammar] // Tekst.Struktura i semantika. T. 1. – M., 2001. – S. 4–13.*
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999. *Volokhina G.A., Popova Z.D. Sintaksicheskie kontsepty russkogo slozhnogo predlozheniya [Syntactic concepts in complex sentences in Russian language]. – Voronezh, 1999.*
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М., 2000. *Vsevolodova M.V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka [Theory of functional communicative syntax. Fragment of applied (pedagogical) models of the language]. – M., 2000.*
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. – M., 1970.*
6. Давыдова Е.И. Когнитивная модель сложносочиненного предложения (на материале русского и французского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2006. *Davydova E.I. Kognitivnaya model slozhnosochinenного predlozheniya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Tambov, 2006.*
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Функциональная грамматика русского языка. – М., 2004. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Funktsional'nyaya grammatika russkogo yazyka [Functional Grammar of Russian language]. – M., 2004.*
8. Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования –IV. – М., 2010. – С. 134 – 152. *Kibrik A.A. Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics] // Kognitivnye issledovaniya – IV. – M., 2010. – S. 134–152.*
9. Кибрик А.А. Функционализм в лингвистике // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a9.htm>. *Kibrik A.A. Funktsionalizm v lingvistike [Functionalism in linguistics] // Entsiklopediya “Krugosvet” [Electronnyi resurs]: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a9.htm>.*
10. Кручинина И.Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 111 – 119. *Kruchinina I.N. Nekotorye tendentsii razvitiya sovremennoy teorii slozhnogo predlozheniya [Some trends in the development*

- of the modern theory of complex sentence] // *Voprosy yazykoznavaniya*. – 1973. – № 2. – S. 111 – 119.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. – М., 1990.
12. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. – М., 2013.
Norman B.Yu. Kognitivniy sintaksis russkogo yasyka [Cognitive syntax of Russian language]. – М., 2013.
13. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. – М., 1980.
Russkaya grammatika. T.2. Sintaksis [Russian grammar. V.2. Syntax]. – М., 1980.
14. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. – Полтава, 2008.
Selivanova O.O. Suchasna lingvistyka: napryamy ta problemy [Modern linguistics: trends and problems]. – Poltava, 2008.
15. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 2. – М.-Л., 1962. – С. 412 – 527.
Homskiy N. Sintaksicheskie struktury [Syntactic structures] // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 2. – M.-L., 1962. – S. 412 – 527.
16. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 319 – 338.
Shcherba L.V. Prepodavanie inostrannyh yazykov v sredney shkole [Teaching of foreign languages in secondary school] // Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L., 1974. – S. 319 – 338.

Palatovska O.V. Russian complex sentence in the context of changing scientific paradigms

Abstract. The article reviews the evolution of scientific ideas about the nature and essence of the complex sentence in Russian language. In this article the analysis of scientific schools and directions in the theory of complex sentence covers the period from the mid-twentieth century to present time. The paper presents theoretical foundations of such approaches to studying complex sentences, as structurally-semantic approach and functional and cognitive-discursive approach.

Keywords: *scientific paradigm, complex sentence, structural and semantic classification, functional syntax, cognitive-discursive analysis*